УДК 81-119
DOI 10.17516/2311-3499-050

СИМПТОМЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Е. УЛИЦКОЙ

А.А. Бернацкая

Во времена СССР Вы (условно) принадлежали к тому кругу, который называют диссидентским. Сейчас из-за Вашей активной социальной позиции Вас причисляют к «пятой колонне» и даже иногда называют русофобом.

С. Зупанич

Я не занимаюсь политикой, но говорю то, что я думаю... Именно по этой причине меня определили в “пятую колонну“, обвиняют в том, что я ненавижу свою страну. Во мне нет никакой ненависти – есть стыд и бессилие. Политика России сегодня – самая убийственная и опасная – представляет собой угрозу в первую очередь для России, но может оказаться триггером Третьей мировой войны. В сущности, она уже идёт.

Л. Улицкая

Сочинения Л.Е. Улицкой пользуются большой популярностью, переводятся на десятки иностранных языков, стали объектом литературоведческих исследований. В настоящей статье впервые ставится задача исследования творчества писательницы в лингвоидеологическом аспекте. В качестве источника материала для анализа избраны три сборника, содержащие художественные и нехудожественные сочинения автора. Непосредственным объектом исследования стали концепты общественной значимости в их текстовой аксиологической модальности. Их совокупность даёт авторское видение картины жизни в советской и современной России. Инструментом исследования стал концептуальный анализ по технологии дискурсивно-интерпретационного анализа с использованием традиционного аналитико-описательного метода, метода метафорического моделирования, элементов компонентного и интен-анализа, полевой методики. Анализ выявил суммарно тотально негативный оценочный вектор относительно советского и современного, а также будущего бытия страны и государства. Разновидности негативации отражает категория субъективной модальности. Полученные результаты дают право утверждать наличие в произведениях писательницы признаков (симптомов) информационно-психологической войны, что говорит о необходимости тщательного отбора её текстов при их рекомендации для внедрения в общеобразовательную программу.

Ключевые слова и фразы: информационно-психологическая война; концепт; негативная оценочность; субъективная модальность; контекст; макро- и микрополе; идеология; дискредитация.

SYMPTOMS OF INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WAR IN THE WORKS BY L.E. ULITSKAYA

A.A. Bernatskaya

Translated into dozens of foreign languages, the works by L.E. Ulitskaya are very popular and have become the object of literary studies. This article aims at the linguo-ideological research of the writer's

works. As the source of the material, three collections were selected including fiction and non-fiction works of the writer. The direct object of the study is represented by the concepts of social significance in their textual axiological modality. Their combination shows the writer's vision of life in Soviet and contemporary Russia. The research methodology includes conceptual analysis with the technology of discursive-interpretational analysis, the traditional analytical-descriptive method, the method of metaphorical modeling, the elements of component and content analysis, field methods. The analysis revealed a totally negative assessment vector related to the Soviet, contemporary, and also future existence of the country and the state. The types of negativity are reflected by the category of subjective modality. The results of the study give the right to assert the presence in the writer's works the signs / symptoms of information-psychological war, which means the need for careful selection of her texts when recommending them for inclusion into the educational programme.

Keywords and phrases: *information-psychological war, concept; negative assessment; subjective modality; context; macro and microfield; ideology; discreditation.*

Выбор сочинений Л.Е. Улицкой в качестве объекта исследования в контексте проблем информационно-психологической войны (далее – ИПВ) детерминирован рядом факторов. Л.Е. Улицкая – признанный писатель, сценарист, общественный деятель, лауреат нескольких престижных литературных премий, следовательно, имеет широкую читательскую аудиторию, на которую жизненная позиция автора, несомненно, оказывает психологическое воздействие. Не зря «Людмилу Улицкую не раз называли очень внимательным свидетелем эпохи, её цепким наблюдателем и интерпретатором. Пожалуй, более всего это относится к роману “Зелёный шатёр”. Роману о поколении тех, кому выпало взрослеть во времена оттепели, выбирать судьбу в шестидесятые, платить по счетам в семидесятые ... Калейдоскоп судеб от смерти Сталина до смерти Бродского, хор голосов и сольные партии, переплетение исторических реалий и художественного вымысла...» (Из аннотации к роману «Зелёный шатёр»). Произведения Улицкой переведены не менее чем на 25 языков, значит, жизненная позиция писательницы, её картина мироустройства транслируется на национальные сообщества зарубежья, влияя на их представление о нашей стране и отношение к ней и в какой-то, пусть малой мере, опосредованно, на межгосударственную политику. В Интернете появляются разработки школьных уроков по творчеству писательницы с настойчивой рекомендацией внедрить его в систему школьного образования. Подтверждением обоснованности выбора объекта исследования может служить неоднозначная оценка идеологической платформы писательницы, означенная в предпосланных основному тексту статьи эпиграфах, прежде всего, обвинение России в **агрессивной внешней политике**. Ещё одно высказывание такого рода: «<...> мы, люди культуры, не можем изменить **самоубийственной политики нашего государства** <...>. **Моя страна каждый день приближает мир к новой войне, наш милитаризм уже поточил когти в Чечне и в Грузии, теперь тренируется в Крыму и на Украине**». Вклад писательницы в пересмотр итогов Второй мировой войны: **В Восточной Европе в послевоенные годы созрела идея освобождения от советского порабощения, последовавшего за победой над фашизмом**.

Источником материала для анализа стала выборка из трёх сборников произведений автора, содержащих художественные тексты (роман, повести, рассказы) и нехудожественные (эссе, интервью, письма). Исследованию подвергается лингвоидеологический аспект текстового корпуса. Сочетание функционального стиля художественной литературы с публицистикой гарантирует неслучайность, совпадение той или иной идеологической позиции персонажа и автора. Непосредственным объектом исследования стали концепты общественной значимости в их текстовой аксиологической модальности. Их совокупность даёт авторское видение картины жизни в советской и современной России. Инструментом исследования стал концептуальный анализ по технологии дискурсивно-интерпретационного анализа с использованием традиционного аналитико-описательного метода, метода метафорического моделирования, элементов компонентного и интент-анализа, полевой методики. Виртуальное макрополе, выстроенное на

материале выборки, членится на микрополя по временному признаку. Основное пространство поля покрывают микрополя прошлого (советского и современного) и настоящего времени. Микрополя структурированы сегментами (тематическими блоками), образованными именами концептов общественно-политического значения и их аксиологическими вербализаторами. Аксиологию концептов формируют денотативно-номинативные компоненты значения оценочных слов и словосочетаний и коннотативные, создающиеся разными видами контекстов: интра- и экстралингвистическим, узким и широким, контактным и дистанционным, линейным и парадигматическим, а также импликациями и подтекстовыми смыслами. Инвентарь концептов в целом соответствует блоку «общество, его жизнь, устои, социальное устройство, социальные состояния, отношения» в Толковом семантическом словаре [Русский семантический 2003: 471]. Это концепты *государство, страна, государственные символы страны, народ и его менталитет, коммунизм, советская и современная власть, внешняя политика, национальная политика, коллективная versus индивидуальная идеология, руководители страны, качество жизни, культура, достижения страны, итоги ВОВ, религия, церковь*. Дополнительно во временном микрополе прошлого есть тема советского образования, а в поле настоящего – диссидентства и эмиграции. Список концептов позволяет заключить, что в совокупности они дают картину мироустройства страны в двух временных срезах. Следовательно, если будет доказано, что лингвистический контекст использования концептов в текстах даёт основание усмотреть в них (текстах) признаки информационно-психологической войны (далее – ИПВ), а за именами концептов её мишени, то цель исследования будет достигнута, а заголовок статьи соответствовать её содержанию. Языковой материал анализа, полученный путём сплошной выборки, общим объёмом 1684 страницы, из сочинений писательницы 2011–2017 гг., достаточно репрезентативен.

Маркеры-индикаторы временных микрополей представляет прежде всего **прецедентная лексика**. В качестве прецедентных наименований выступают даты, антропонимы – имена исторических персон (*Ленин, Сталин, Хрущёв, Путин, Гитлер, Пиночет, А. Мень, Репин, Маяковский, Серова, Целиковская, Гагарин*), названия литературных произведений (*Евгений Онегин*), события (*Германия 33-го года: к власти пришёл Гитлер*), знаковые реалии времени (*гимн, герб СССР, пионерский галстук, партком, научный атеизм, комсомольские собрания, сельскохозяйственные повинности*). В плане выражения это слова, словосочетания, высказывания, тексты. Примеры.

Свинцовый век приходит на смену серебряному. Серебряный век – аллюзия на предреволюционное время расцвета русской культуры, в концепции автора антитеза к советскому и постсоветскому бескультурию. «Свинцовый век» – яркая, острая метафора, по источнику смыслового переноса – милитарная. Её цель – заклеить современную Россию как милитаристское государство. Это пример центральной антитезы идеологической платформы автора: прекрасное дореволюционное – отвратительное послереволюционное страны. Экспрессивность оценки усиливается афористичной структурой высказывания, звучащего как вердикт международного суда. Эстетика высказывания дополняется анафорой (**с-с**).

Ещё два клише – идеологемы советского прошлого «*праздник трудящихся*» и «*трудовая вахта*». Скабрёзно-ироничная стиливая окраска создаётся путём помещения их в пародирующий контекст, что вызывает эффект обманутого ожидания. Журналистка исследует судьбы российских проституток в Швейцарии. *Исследование удалось приурочить к началу мая, празднику трудящихся, когда для всех праздник, а для проституток самая «трудовая вахта»*. Богатое ассоциативное поле производных от корневой основы «труд», высокий ценностный индекс советской идеологемы «*трудовая вахта*» благодаря радикально диссонансному ассоциативному полю вокруг концепта «проституция» подвергаются уничижительной деградации.

Прецедентная историческая для России дата – 1991-ый год: речь идёт о подвергнутом в СССР гонениям генерале, *всё же не потерявшем надежды дожить до лучших времён. И лучшие времена наступили.* < > *Генерал жил в стране, где надо жить долго. Он и дожился до девяноста,*

и сподобился умереть героем. Его хоронили в **девяносто первом**... Контекст имплицитно ориентирует политическую ориентацию автора.

Пример прецедентного текста: <...> *А в школе... **краснознамённость**, чувство постоянной неловкости от **пафоса и лжи**: Как повяжешь галстук, береги его, **Маяковский** лесенкой, с пионерской песенкой, бодро, бодро! Вперёд! Вперёд!*» Здесь частично переделанные строки из стихотворения С. Щипачёва «Красный галстук», содержащего квинтэссенцию идеологического кредо массовой организации советских школьников: *Как повяжешь галстук, Береги его: Он ведь с красным знаменем цвета одного. А под этим знаменем в бой идут бойцы, За отчизну бьются братья и отцы...* Прямая негативная оценка (*пафос, ложь*, – собственно, ложный пафос) сочетается с нескрываемой иронией по отношению и к форме коллективного воспитания советской молодёжи, и к лояльности знаменитого поэта к советской власти (метонимия «*Маяковский лесенкой*»; рифмование с уменьшительно-пренебрежительной формой существительного «*лесенкой – песенкой*»). «Красное знамя» – государственный символ Советского Союза. Приём редукции, стяжения словосочетания «красное знамя» в сложнопроизводное существительное «краснознамённость» (авторский неологизм) становится иконичным средством трансляции иронично-пренебрежительного (усмешка) отношения автора к знаковым реалиям советского прошлого. Интонация, ритм восклицательных предложений, усиленных полным лексическим повтором, заостряют глумливо-ироническую оценку «пионерского» прошлого страны.

Однозначно негативная оценка советского прошлого страны через иронически-издевательскую оценку другого символа страны – герба и, параллельно, осуждение «собрата по цеху», всемирно признанного поэта В.В. Маяковского, реализуется в скрытой цитате на его «Стихи о советском паспорте»: *Убили священника А.В. Меня. Неизвестно, кто. Неизвестно за что* <...> *Все неизвестные величины давно слились в одну. **Этот рогатый, молоткастый и серпастый враг по-прежнему в силе.*** Оригинал: «< > С каким наслажденьем / жандармской кастой / я был бы исхлещан и распят / за то, / что в руках у меня / **молоткастый, / серпастый** / советский паспорт». Высокая пафосная тональность поэтических неологизмов оригинала замещается бытовой приземлённостью стандартного закрытого трёхчленного перечисления, включающего чуждый оригиналу элемент иронической авторской рефлексии («*рогатый*») и замену определяемого «паспорт» на аксиологему «*враг*». Указательное местоимение «*этот*» дополнительно привносит модальность брезгливой отстранённости. Приведённые образцы прецедентных элементов демонстрируют их функциональную нагруженность. Это не только знаки времени, но и главным образом средства дискредитации первого временного среза: советского прошлого России.

Главным условием для признания составляющих микрополей мишенями ИПВ признаётся негативно-оценочный характер их речевой реализации. Для решения вопроса проанализируем с учётом разноуровневых средств языка высказывания, слова и словосочетания, выражающие отношение субъекта высказывания к понятийному аспекту содержания концептов-конституэнтов поля.

Наше **СЕГОДНЯШНЕЕ ГОСУДАРСТВО** уникальное и единственное государство в мире, которое **выросло на основе тайной полиции**; *В нашем сегодняшнем государстве очень уж много тайного, скрываемого, очень много лжи; сегодняшнее государство – **враг культуры**. Оно себе подписывает исторический приговор; **чудовищное тоталитарное государство**; наше **людоедское государство**; **чудовищное тоталитарное государство**; государство было (и есть) **чересчур человеконенавистническое**; в этом **бесчеловечном и постыдном** государстве; государство было **препоганнейшим**, общество разложившимся. Функцию понятийно-оценочного обобщения микрополей прошлого (советского) и настоящего концепта «государство» выполняет прецедентное словосочетание *тайная полиция* («секретные органы политического сыска и суда» [<http://ponjatija.ru/node/13812>]). Оценочно-номинативное *тайная полиция* коррелирует в художественных и нехудожественных текстах с доминантной характеристикой*

нынешнего президента России (см. далее): с его принадлежностью к органам госбезопасности, выполняя, таким образом, когерентную функцию. Повтор прилагательного «тайный» уже не в номинативной, а в оценочной функции имплицитно подтекст: распространение функции «тайной полиции» на все сферы жизнедеятельности современного российского государства. Это подкрепляется семантической близостью лексем – деепричастия настоящего времени *скрываемый*, прилагательного *тайный* и существительного *ложь*. В арсенале средств создания негативного образа государства «Российская Федерация» доминантой экспрессивно-оценочной лексики выступают эпитеты, лексико-семантический ряд лексем с общей ядерной семой негативной оценки. В создании негативной оценки участвуют средства разных уровней языковой системы: помимо, естественно, лексико-семантического, словообразовательный подуровень (усилительный префикс *пре-*), морфологический (превосходная степень оценочного прилагательного *пре-поганнейший*), синтаксический (дефиницеобразная структура элементарного предложения как средство усиления достоверности и внушаемости: *сегодняшнее государство – враг культуры*; словосочетания с интенсификаторами – наречиями *очень, чересчур*: «выходит за пределы допустимого; неодобр.» [Ожегов 1997: 881]; повтор словосочетания – *наше сегодняшнее государство*, повтор наиболее экспрессивных эпитетов – *чудовищное, тоталитарное*). Коммуникативная стратегия в использовании всех этих средств – дискредитация. Две основные функции: негативизирующе-оценочная и прогностическая. Прогнозируется конец «этому» государству: «подписание приговора» имплицитно, согласно жизненному опыту, его исполнение.

Почему огромная Россия ... превращается из могучей империи, наводящей страх на соседей, в СТРАНУ бедную, по многим показателям отсталую; Моя страна больна агрессивным невежеством, национализмом и имперской манией; в стране разрушенных храмов, сожжённых усадеб и пущенных в топку библиотек; опасная страна; Стыдно жить в нашей великой стране. Стыдно богатым. Стыдно бедным; В нашей стране жить интересно, хотя местами очень противно; «Ты приехала из России, и Америка тебе грязная? Ничего себе!» В стране царит настоящий ад: ад тюрем, войн, больниц, детских домов и домов престарелых; разорённая страна; Мы живём в стране шаткой, валкой, горделивой и нищей; Моя страна сегодня объявила войну культуре; в самой стране, с её жестокими и бесчеловечными порядками; страна была невменяемой; Это она, Родина-мать с известного плаката военных лет, с негнувшимся указательным пальцем и взглядом, как дырка дула, спрашивающая: «А что ты сделал для победы?», превратилась в восточное женское божество, пожирающее свой приплод. Лингвистический контекст концепта «страна» близок по оценочности и функциям предыдущему. В нём присутствуют признаки всех трёх временных срезов. Дискурсивно-коммуникативное микрополе дореволюционного прошлого маркировано позитивными характеристиками: *могучая, влиятельная страна (наводящая страх)*. Послереволюционное прошлое символизируют определительные словосочетания с признаками негативной генерализации: *страна разрушенных храмов, сожжённых усадеб и пущенных в топку библиотек*. Смысловую доминанту микрополя современности образуют негативно-оценочные эпитеты *бедная, отсталая, разорённая, нищая*. Эпитет *горделивый* в контексте идеологической составляющей творчества писательницы содержит авторскую иронию. Характеризующие определения *шаткая, валкая* страна основаны на авторской реконструкции разговорного клише «ни шатко ни валко»: ни хорошо, ни плохо, посредственно, где оба компонента обозначают в переносном значении *ненадёжный, непрочный*. Основное средство экспрессии – метафоры. Все метафоры основаны на стилистическом приёме олицетворения или религиозно-мистической мифологизации. *Моя страна больна агрессивным невежеством, национализмом и имперской манией*. Сфера-источник – физиология. *В стране царит настоящий ад: ад тюрем, войн, больниц, детских домов и домов престарелых*. Сфера-источник – религиозно-мистическая. Метафора *невменяемой* страны происходит из сферы психиатрии. Мишень заключительной метафоры – знаменитый плакат, установленный на Мамаевом кургане в Волгограде в бытность его Сталинградом. Сфера-источник – мифология. Модальность коммуникативно-речевой формы

статического описания – агрессивно-глумливая: ... *негнуцимся указательным пальцем и взглядом, как дырка дула*. Эпитет *опасная* отсылает к теме агрессивной внешней политики России. Характерная особенность концептуального сегмента – субъективная оценочность: трёхкратный повтор валюатива *стыдно*, оценочное наречие *противно*. В художественном дискурсе тот же эффект производит риторический вопрос, сопровождаемый разговорно-аффективным клише с модальностью активного несогласия (*Ничего себе!*).

(То) *рабское состояние*, в котором пребывал и пребывает наш **НАРОД**, кроме *подавленности*, предполагает и некоторую *привычку к насилию* <...> *Насилие* было основой воспитания; А отчим *подонок*. *Лупил* меня почём зря. *Зверюга был*. *Садист*. Как *напьётся*, так и пристает. *Изнасиловал* меня; *шалый* народ; *бедствующий* народ; *Народ любит своего мачо*; народ, *потерявший нравственные ориентиры*; – *Какой народ! Так себя ненавидеть!*»; От деда, священника и *пьяницы*, унаследовал «*священную русскую болезнь*»; баба *Нюра пустила в дом* бежавшего от КГБ художника «не за деньги, а за водку. Бабка оказалась большой любительницей немного выпить и весёлой хулиганкой < > *Бутылка уходила в неделю*». Извечное свойство нашего народа: *слишком ленивы*; «Не помню, кто сказал: в России святых навалом, а честного, то есть *не воруящего человека днём с огнём не сыщешь*» (Справка: Н.А. Бердяев писал, ссылаясь на К. Леонтьева, что «русский человек может быть святым, но не может быть честным. Честность – западноевропейский идеал. Русский идеал – святость», и добавлял: «В формуле Леонтьева есть некоторое эстетическое преувеличение, но есть в ней и несомненная истина» [Бердяев 2014: 25]); *Нестяжатель*. *Неворующий*. *Радостная редкость среди сегодняшних развевшихся ризоносцев*; сестра-хозяйка в кардиологическом отделении больницы, «разводка, *тайно выпивающая*, жила *Антонина Ивановна* в девятиметровке с малолетним сыном, зарплата была самая ничтожная, она *легонько, по возможности, подворовывала*, сама себя *стыдясь*. Словом, *порядочная была женщина*; Русские девушки, уезжая за границу, чтобы получить право на въезд и дальнейшее пребывание в стране, в созданной ими легенде поголовно указывали: «*пьющая мать-одиночка*» или «*отчим пил*»; *Воровали все, кому было что украсть*; Эмигрант из фашистской Германии, немец Винберг, психиатр, об исследовании *социальной природы алкоголизма и особенностей социального поведения алкоголика*: «*Нет лучше места, чем Россия, чтобы это исследовать. Здесь целая страна является плацдармом для лабораторного исследования*».

Характеристика народа, не достойного уважения, остановившегося в своём развитии (незрелого): *шалый*, *бедствующий*, безнравственного (*потерявший нравственные ориентиры*). *Шалый* – то же, что *шалый*: неуравновешенный, сумасбродный [Ожегов 1997: 890]. Аналогичный взгляд на русский народ «со стороны», от имени эмигрировавшего в Россию немца, имплицитно выражен в многозначительном оценочно-эмфатическом высказывании «*Какой народ! Так себя ненавидеть!*» (модальность удивления, неодобрения, порицания, презрения). Признак «*бедствующий народ*» коррелирует с характеристикой страны как *бедной, по многим показателям отсталой*. Описательная характеристика «*любит своего мачо*» отсылает к негативно-оценочной характеристике Путина. Снижение высшего социального статуса президента до сомнительного биологического («удачливый самец») через смысловую импликацию этической максимы «Каждый народ достоин своего руководителя» переносит аксиологическую негативацию на российский (прежде всего, русский) народ. Подтекст: народ, который любит такого президента, не достоин уважения. Оппозиция «я / народ» становится средством выражения модальности отторжения субъекта речи от субъекта высказывания («я» от «народа»). Характеристики *рабское состояние*, состояние *подавленности* противоречат свойству *склонность к насилию*. Последнее коррелирует с агрессивной внешней политикой государства. На индивидуально-личностном уровне свойство представлено в нарративах девушек, тайно переехавших за границу и для получения вида на жительство рассказывавших, как правило, выдуманные истории: отчим-подонок, садист, зверюга, пил, бил, насиловал падчерицу. Безнравственность как черта национального менталитета подкрепляется на личностном уровне: *сестра-хозяйка в кардиологическом отделении больницы*,

легонько, по возможности, подворовывала, сама себя стыдась. Словом, порядочная была женщина. Группа сказуемого со стилистически и оценочно нейтральным клише *по возможности*, обрамлённом разговорными *легонько* с уменьшительным суффиксом и итеративным (многократного действия), но с префиксом незначительной интенсивности глаголом *подворовывать*, создаёт впечатление нарочитой обидной комичности. Следующая фраза, структурированная как выводное высказывание, придаёт сверхфразовому единству субъективно-оценочную модальность едкой иронии: намёк на типичность явления. Не эксплицирована автором, но выносится на суд читателя безнравственность российских девушек, предпочитающих жизни на родине ремесло проституток за границей. Перечень основных черт русского национального менталитета в сочинениях автора традиционен: пьянство, воровство, лень. Последнее ограничено одним безапелляционным авторским утверждением: *Извечное свойство нашего народа: слишком ленивы*. Склонность к пьянству находит выражение в иронической метафоре «*священная русская болезнь*». Сфера-источник – физиология. В нарративах девушек-проституток ссылки на пьющую мать, пьяницу отчима. Масштаб алкоголизма в России немец-психиатр Винберг гиперболически и с остранимой иронией распространяет на всю страну: *целая страна является плацдармом для лабораторного исследования*. «Взгляд со стороны» (автор оценочного высказывания – немец), очевидно, по мысли автора, должен усилить объективность заключения. В качестве аргумента достоверности утверждения о типичности воровства в России автор использует риторический приём «ссылка на авторитет», в данном случае, знаменитого философа, правда, не называя его имени, что даёт автору право усилить прецедентное высказывание экспрессивным разговорным фразеологизмом (*не ворующего человека*) «*днём с огнём не сыщешь*». Масштаб воровства в России выражает авторское генерализирующее высказывание с замахом на аксиому, с модальностью убедительности и иронии: *Воровали все, кому было что украсть*. На индивидуально-личностном уровне глагол *подворовывать* с семантикой многократного частичного действия приобретает иронический оттенок. Всеохватность явления подчёркивается его распространённостью и на служителей русской православной церкви, тем самым подтверждая неоднократно появляющийся в текстах разной функционально-семантической природы тезис о её безнравственности: *Нестяжатель. Неворующий. Радостная редкость среди сегодняшних ризоносцев*. Сегментация с выносом в препозицию двух синонимичных имён, образованных по продуктивным словообразовательным схемам. Первый, с глагольным корнем стилистически высокого регистра, поясняется вторым, стилистически нейтральным. Первое имя – агенс, без временной семы, второе – субстантивированное причастие действительного залога настоящего времени, имеет временную сему длящегося действия. Таким образом, по семному составу и стилистической окраске синонимы взаимодополняют друг друга. Синонимический повтор выполняет функцию экспрессии, но имплицитно, как кажется, и иронию автора по отношению к языковой несостоятельности реципиента-читателя. Разностилевой контакт как стилистическое средство «работает» и в базовом предложении. Неологизм-антропоним из сугубо церковной сферы «*ризоносец*» благодаря сочетанию с разговорным, неодобрительным оценочным определением «*разъевшийся*» и ассоциативному контексту, не исключая созвучное «*рогоносец*», придают негативно-оценочному высказыванию оттенок **сарказма**.

Винар ненавидел КОММУНИЗМ; Каким-то неведомым образом Петя разъединял на любовь к России и ненависть к её строю; Человек, который не видел никакой существенной разницы между коммунизмом и фашизмом (Вполне вероятно, что и эта идея автора когда-то была инспирирована, в том числе философией Н.А. Бердяева, ср.: «Сталинизм, т.е. коммунизм периода строительства, перерождается незаметно в своеобразный русский фашизм. < > Ленин не был ещё диктатором в современном смысле слова. Сталин уже вождь-диктатор в современном фашистском смысле» [Бердяев 2014: 117]); *Миха с Ильёй ... впервые встретили человека, который ...определял его* (коммунистический режим. – А. Б.) *как совершенно сатанинский, мрачный и кровавый; От коммунизма тошило; я никогда не испытывала к коммунизму во всех его разновидностях ничего кроме отвращения; Я училась в Московском*

университете в начале шестидесятых годов, **весь советский маразм – все фальшивые истории партии, политэкономии, научный атеизм, комсомольские собрания и сельскохозяйственные повинности – проходила; миф о СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, его грандиозная ложь, обаятельное величие, сверхутилитарная жестокость и высокой пробы идеализм; абсолютно плоское пространство советской действительности; духота советской жизни была нестерпимой; жизнь, пронизанная фальшью, жестокостью и убогой идеологией; Художник давно уже вывел, что плодить новых людей... для жизни нищей, грязной и бессмысленной, нельзя; плохонькое, как всё отечественное; всё советское, тупое, грубое.**

Коммунизм, советская жизнь, советская действительность, советская власть – концепты временного микрополя недавнего прошлого России. Дискредитация идеи коммунизма посредством его уподоблению фашизму прочно укоренилась в информационном пространстве зарубежной пропаганды и отечественной либеральной общественности. Откровенное категорическое неприятие коммунистической идеологии передаётся лексическим способом: глаголом *ненавидеть*, высказыванием *не видеть никакой существенной разницы между коммунизмом и фашизмом*. Период строительства социализма с планами перехода к фазе коммунизма определяется термином «режим» (Государственный строй; обычно об антинародном, антидемократическом строе [Ожегов 1997: 673]). Этот «режим» характеризуется экспрессивными эпитетами радикально негативной оценки: *сатанинский* (сравнение с сатаной, воплощением сил зла), *мрачный, кровавый*. Авторская субъективно-оценочная негативация воплощается метафорически выражением *испытывать отвращение* и глаголом *тошнить*: сфера-источник – физиология. Советское прошлое представлено пейоративом «маразм» (Состояние полного упадка психофизической деятельности; также переносно: до полного духовного вырождения [Ожегов 1997: 342]), здесь в качестве метонимии: перенос с индивидуума на общественное устройство. Семантико-прагматический эффект усилен обобщающими местоимениями «*весь*», «*все*», «*всё*» (повтор). Формула «*любовь к России и ненависть к её строю*», вложенная в уста персонажа, – идея фикс самой писательницы, неоднократно озвученная ею в выступлениях и интервью. Коммуникативная стратегия разоблачения и изобличения советского прошлого находит выражение в негативно-оценочных квалификациях «*миф*», «*ложь*», «*жестокость*» (дважды), «*фальшь*», в оценочных эпитетах *фальшивый, убогий, тупой, грубый*. Эпитет «*плохонький*» благодаря семантике суффикса привносит пренебрежительно-уничижительную оценочную коннотацию. Продуктивное средство усиления экспрессивно-прагматического эффекта – использование лексических интенсификаторов: *грандиозный, нестерпимый, сверхутилитарный, абсолютно, совершенно, высокой пробы, никакой, ничего кроме, никогда*. Такой же эффект имеет приём градации – восходящего климакса в перечислительном ряду «*жизнь нищая, грязная и бессмысленная*»; дополнительное средство экспрессии – инверсия определительной синтагмы. Креативность, запоминаемость метафор «*плоское пространство советской действительности*», «*духота советской жизни*» достигается за счёт сфер-источников: геометрия, природные катаклизмы.

ВЛАСТЬ, и не только наша – *туповата и утилитарна; Возле Таврической цвела, бушевала, воняла и плясала СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ; Я не люблю советскую власть. Я не люблю ТЕПЕРЕШНЮЮ ВЛАСТЬ; Отвращение к советскому строю было во мне столь велико, что я не допускала, что в этой позднекоммунистической среде можно на кого-то ориентироваться, кому-то доверять. Даже кумира найти; СЕГОДНЯШНЯЯ ВЛАСТЬ – это власть, которая родилась из системы КГБ; основная задача власти – власть. Всё прочее – камуфляж, лозунг, манипуляции; сегодняшняя власть неуклюжа и лжива; вести из Москвы о всё нарастающей нелепости, бездарности и преступности тамошней жизни*. Первые квалификации власти как таковой негативны, но составляют слабый член смысловой оппозиции по отношению к власти советской и современной. Отношение субъекта высказывания к объекту квалификации имплицировано семантикой предикатов. Уменьшительная суффиксальная форма прилагательного «*тупой*» подчёркивает личностную индивидуальность оценки. В следующем

примере перечислительный ряд формально однородной структуры с рядом акциональных признаков представляет собой персонифицирующий метонимический перенос с конкретного на обобщённо-абстрактное. Члены ряда стилистически разнородны. Глаголы *цвести* и *плясать* вне контекста оценочно-нейтральны. В макроконтексте художественно-публицистического дискурса Л.Е. Улицкой «*плясать*», обозначающее народную или фольклорную танцевальную практику, имплицитно негативную коннотацию. «*Бушевать*» (буйствовать, скандалить) употреблено в переносном значении и имеет разговорную окраску, а «*вонять*» – просторечную [Ожегов 1997: 65, 96]. Разнотипность лексики – дополнительное средство негативно-оценочной экспрессии. Отношение к советской и нынешней власти эксплицировано двойным повтором сочетания *не любить*. Контактный повтор предложенческой структуры создаёт модальность прямолинейной категоричности оценочных суждений. Субъективно-оценочная метафора на физиологической основе «*отвращение*» ретроспективно отсылает к характеристике коммунизма в предыдущем блоке. Конкретизация высшей степени негативного отношения, теперь уже не к коммунизму, а к советскому строю, выражена в главном предложении посредством лексического коррелята степени «*так велико*». Парцелляция инфинитивного предложения «эмоционально выделяет заключительный логический вывод, усиливает пафос концовки» [Сковородников 1981: 176]. Вводящая парцеллят частица «*даже*» дополнительно подчёркивает исключительность, единичность сообщаемого факта позитива в поле негативной аксиологии. Равной силы неприятие идеологии коммунизма и советского строя получает объяснение в понятийно-контекстной синонимизации лексем «*советский*» и «*позднекоммунистический*». Благодаря этому аккумулируются все негативно-оценочные смыслы тематического блока. Ключевая идея тематического блока с концептом «*власть*» – лживость этой власти. Предикативы *камуфляж*, *лозунг*, *манипуляции* в категорической форме передают разные аспекты этой лжи. Градационный перечислительный ряд *нелепость*, *бездарность*, *преступность* (тамошней жизни) специфицирует последствия поведенческой лжи власти. Приём градации усилен динамизирующим причастным словосочетанием *всё нарастающий*, создающим впечатление надвигающейся катастрофы. Аббревиатура *КГБ* в представлении автора – фетиш, несмываемое пятно в характеристике современной (читай: путинской) власти, исключающее какие-либо положительные свойства и действия этой власти и оправдывающее самую уничижительную критику.

Когда-то мы жили в одной стране. С тех пор дружба народов рухнула и прекрасную ложь ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА заменила чистая и омерзительная правда всяческого НАЦИОНАЛИЗМА; Моя страна больна национализмом; Файка, «подобно большинству российских эмигрантов, была расисткой»; Отца Александра (М'еня. – А. Б.) ненавидели... церковные мракобесы и националисты. У него было трудное задание – быть евреем и православным священником в антисемитской, едва тронутой христианством стране. Объект критики – национальная политика прошлой, советской, и нынешней власти. Позитив первой (*интернационализм*) подчёркивается оценочным эпитетом «*прекрасный*» и немедленно снимается его квалификацией: «*ложь*». Националистическая политика современной России утверждается в субъективной модальности категоричности. Экспрессивно-прагматический эффект создаётся двумя семантическими оппозициями: субстантивными антонимами *ложь* / *правда* и адъективными *прекрасная* / *омерзительная*. Эффект неожиданности: определения поменялись местами; в норме было бы «*прекрасная правда*» и «*омерзительная ложь*». Масштаб политики национализма подчёркивается определением *всяческий* и метафорой, трактующей национализм как болезнь, охватившую целую страну (приём генерализации). Абстрактное понятие «*национализм*» дополняется антропонимом-агентом / актором в форме множественного числа: *националисты*. Политика национализма и определение «*всяческий*» получают конкретизацию в виде расизма и, ещё конкретнее, антисемитизма. Распространяется не подтверждённая никакими методами и средствами информация о приверженности расизму большей части эмигрантов из России (приём, аналогичный вбросу информации в СМИ). Факт убийства священника представляется в качестве

аргументирующего примера действия националистической политики РФ. Реальные факты конкретной ситуации (был убит священник, этот священник был действительно евреем) согласно известной манипулятивной технологии выдаются за общепринятую практику. Антисемитской объявляется вся страна.

РУКОВОДИТЕЛИ ГОСУДАРСТВА. Сталин. *Нас воспитывали: дисциплинарная школа, у многих строгие родители, над всеми – властная рука пахана, которого обязаны были любить всеобщие и громогласно; Хрущёв:* Примитивный, малообразованный, опьянённый властью, он правил огромной страной как умел: замахнулся на Сталина, выбросил мертвеца из мавзолея; выпустил заключённых; поднял целину; засеял Вологодскую область кукурузой, пересажал производителей подпольного трикотажа, анекдотчиков и тунеядцев, придушил Венгрию, запустил спутник; прославил СССР Гагариным. < > Ненароком подарил Крым Украине. Фигура Сталина, как историческое прошлое, ограничена (припечатана!) презрительно-криминальной аксиологемой (*пахан*). Большого внимания удостоен **Н.С. Хрущёв**. Радикально негативные экспрессивные эпитеты в зачине сверхфразового единства наполняются эксплицирующим содержанием в составе многочленного хаотического перечисления. Чем ближе к современности, тем насыщеннее описание средствами экспрессивно-негативной оценочности. Эмигранты-друзья смотрят по ТВ репортаж о событиях в Москве 1991 г.: *Происходило что-то совершенно непонятное: какой-то марионеточный дергунчик, завхоз из бани, усач с собачьей мордой, полубесы, полулюди, фантасмагория сна из «Евгения Онегина»* – яркий пример дискредитирующего описания на основе тактики митигации. Средства дискредитации: метафорический перенос в дискурс ярмарочного балагана (*марионеточный*); презрительно-грубое просторечье *морда*, окказионализм с двойной суффиксацией: *дерг-ун-чик*; приём митигации: резкое снижение социального статуса (*завхоз из бани*); деперсонификация с переносом в фольклорно-религиозную сферу (*полубесы, полулюди*); иронично-просторечный окказионализм (*усач*); оценочный эпитет на основе зооморфного сравнения (*собачья*); экспрессивно-негативная обобщающая метафора (*фантасмагория сна*) с прецедентным именем-названием поэмы А.С. Пушкина.

Среди представителей современной власти основное внимание, естественно, занимает фигура Президента. *Не прошло и десяти лет с публикации «Архипелага ГУЛАГ», как страна получила нового президента – подполковника КГБ! Напрашивается вывод: книга не была прочитана!; < > Но почему эти люди забыли, что КГБ представляет собой высшее достижение коммунистов, сердцевину их власти, их мозг и ту самую «крепкую руку»? Строго говоря, Путина-то бояться надо было ещё сильнее. <...> Но страх, разумеется, плохой советчик. Уроки Германии 33-го года оказались забыты... Крепкую руку мы теперь имеем. Посмотрим, к чему нас она приведёт; новые руководители страны с гэбэшной выучкой; «России нужен Пиночет?»; власть в стране оказалась в руках человека из тайной полиции. Безусловно, предпочла бы на этом месте драматурга. Но Вацлава Гавела у нас не нашлось <...> Народ любит своего мачо <...>; сегодня, мне кажется, он представляет собой очень испуганного человека, у которого очень сложное, может, безвыходное положение.* Главным пороком нынешнего президента, что явствует из синонимических повторов (*подполковник КГБ, с гэбэшной выучкой, человек из тайной полиции*), называется его происхождение из органов госбезопасности, по мысли автора, олицетворяющих всемогущество коммунистов и, как инструмент и детище власти, систему ГУЛАГов в стране. Информация о скромном военном чине и просторечное прочтение аббревиатуры (*гэбэшный*), оценочная лексема «мачо» (исп. **Macho** – букв. «самец» – не агрессивный, прямолинейный мужчина, обладающий ярко выраженной сексуальной привлекательностью[<https://ru.wikipedia.org/wiki/>]), снижает политический уровень до биологического. Оба средства имеют митигующий эффект. Метонимия «*крепкая рука*» намекает на жёсткую власть. Оценочную характеристику «*очень испуганный человек в очень сложном, может, безвыходном положении*» можно трактовать как диффамацию. Перлокутивный эффект – дезориентация читателя, чувство социальной незащищённости, порождающее паническое

настроение. Прецедентное словосочетание /событие «Германия 33-го года» – откровенный намёк на то, что избрание Путина может иметь не менее трагические последствия, чем приход к власти Гитлера. Риторический вопрос в заголовке упоминаемой статьи о Путине звучит как грозное предостережение, подкреплённое уже свершившимся реальным фактом (У.А. Пиночет – один из руководителей государственного переворота в Чили 11 сентября 1973 г., установившего власть военной хунты, 1974–1990 – президент Чили; в стране начались массовые репрессии и террор; более миллиона чилийцев покинули страну, почти 100000 граждан прошли через тюрьмы, была запрещена деятельность левых партий и профсоюза [Кто есть кто 1990: 347–348]).

ПОЛЁТ ГАГАРИНА В КОСМОС. Полёту тогда, молодая, радовалась, но радости уже тогда мешало соображение, что это замечательное событие – **продолжение холодной войны, аргумент в борьбе за идеологическое господство**, а также совершенно очевидно, что деньги эти **огромные** надо бы тратить на разорённую страну и бедствующий народ; Правда, что **наш герой Гагарин, прекрасный парень, спился и погиб нехорошо**, «при невыясненных обстоятельствах»; так что **много вранья** по поводу его смерти было **наворочено**; Сам проект «Космос» был **главным образом аргументом в борьбе за мировое господство, а наши героические космонавты подопытными животными** <...> **Вам** понятно, чем **мы** Гагарину обязаны, а **мне** – нет; Художник-диссидент оформлял работы в самиздате. Успех имели карикатуры. На одной из них **бурлаки с картины Репина тянули не баржу, а космическую ракету**. Представленная оценка события коренным образом противоречит не только принятой в нашем отечестве, но и в Ближнем и Дальнем зарубежье. Политическая оценка соответствует инициаторам холодной войны против СССР. Как правило, даже политические противники признают полёт Гагарина символом достижений Советского Союза всемирно-исторического значения. Позитивно-оценочные лексемы **замечательный, прекрасный, герой** в предложенном контексте (**война, господство, спился, погиб нехорошо**) теряют положительный оценочный индекс и звучат скорее условно-пренебрежительно. Самиздатовская карикатура заведомо выполняла дискредитирующую функцию. Вульгарно-дискредитирующий приём – уравнивание первопроходцев космоса с подопытными животными («зооморфизация», сегодня в подтексте сравнение с бездушными роботами). Функцию «заземления», митигации выполняют лексемы «**враньё**» и «**наворотить**» с их разговорной функционально-стилистической окраской [Ожегов 1997: 102, 376]: тема «полёт Гагарина в космос» в обычном случае связана скорее с возвышенно-пафосным регистром. Просторечно-игровая словоформа **огромные** (деньги) – апелляция к народу, примерка маски «народного защитника». Обращает на себя внимание употребление личных и притяжательных местоимений. Притяжательные местоимения первого лица как наиболее маркированное средство выражения семантической категории посессивности – значимое средство выражения личной сопричастности к описываемым событиям (см., например, [Ким 2011: 22 и др.]). В приведённых здесь ранее тематических блоках притяжательные местоимения представлены широко: **моя /наша страна, наше государство**, что предполагало позицию личной заинтересованности автора, переживание им негативных явлений как собственных. В анализируемом блоке это оказывается ложным впечатлением. «**Мне**», словоформа падежной микропарадигмы личного местоимения «**мы**», в данном контексте в смысловом отношении оказывается выключенной из этой парадигмы. Не «**мы / они**», а «**мы / мне**» оказываются противочленами оппозиции. «**Мы**», «**наш**», «**наши**» в этом контексте служат средством выражения довольно желчной иронии. Налицо полная дискредитация высших достижений Советского Союза.

Некогда великая КУЛЬТУРА РОССИИ осталась в прошлом; Моя страна сегодня объявила войну культуре; культуру кастрируют, обрезают; топорное советское искусство; Лада из бара «Экс-эль» < > была похожа на медсестру, воспитательницу и парикмахерицу. А также на подавальщицу в рабочей столовой, продащицу в хорошем продовольственном магазине и приёмщицу в химчистке. И одновременно – на всех советских послевоенных звёзд от Серовой до Целиковской. Пергидрольные волосы, красная блестящая помада и широта души; Духота советской жизни была нестерпимой. Сквозняков было несколько: диссидентское движение,

подпольное искусство, некоторым казалось – наука. Последнюю иллюзию развеял академик Сахаров. Тогда ещё вовсе не было очевидным, что без свободы не бывает ни культуры, ни науки, ни хлеба. Тематический блок построен на контрасте: великая культура в прошлом – война культуре сегодня. Глагольные метафоры из физиологической сферы. Ассоциативное поле лексикализованной метафоры *топорный* связано с отжившим, отсталым, нецивилизованным, грубым. Многочленная сравнительная конструкция замедляет развязку, усиливает эффект неожиданной концовки, содержащейся в заключительных парцелированных конструкциях. Последняя сегментированная конструкция включает зевгму. Стилистический эффект приёма стилистической конвергенции – злая карикатура на культовых представителей советского (кино)искусства. Представление о подпольном искусстве в анализируемых сочинениях связано с одним персонажем романа «Зелёный шатёр» в рамках макроконцепта «диссидентство» – художником Борисом Ивановичем. Художник закончил Строгановское училище по отделению подготовки мастеров, так что *до настоящего художника не дотягивал*, был исполнителем, зато *зарабатывал побольше настоящих художников*. Он участвовал в одной квартирной выставке, и после первой же его заметили в этом очень узком избранном кругу художников *подполья*. Вот пример тех хорошо оплаченных работ для «самиздата»: *Это были карикатуры: гигантские буквы, складывающиеся в слова ‘‘Слава КПСС’’, а под этими гигантскими буквами стояла толпа людей и собак, пытающихся добраться до священных слов. Буквы были сложены из колбасы – варёной колбасы с кружками белого жира на срезах с верёвочными хвостиками и даже с этикеткой ‘‘2 руб. 20 коп’’. На другой карикатуре из таких же колбас был сложен мавзолей, слово «Ленин» было написано связками сосисок... На третьей – бурлаки с картины Репина тянули не баржу, а космическую ракету; Друг Илья здорово ему [художнику] помогал – всю коллекцию сохранил, кроме тех работ которые удачно продал за границей. Там всё шло отлично, в конце семьдесят шестого года сделали выставку в Кёльне – под названием «Русская обнажённая натура». Старухи, голые, ужасные старухи веселились. Им было хорошо.* «Обнажённая натура» – это три деревенские старухи. Одна, баба Нюра, не побоялась приютить скрывавшегося от КГБ художника. Бабка была согбённая, с кривым личиком, скрюченными пальчиками и огромными безобразными кистями < > Кисти не разгибались, и работала она ими как двумя клешнями. <...> Муж бабы Нюры сгинул в тридцатом в коллективизацию. Три сына, подростки к началу войны, один за другим погибли – старший в сорок первом, средний в сорок втором, младший в сорок пятом. Две другие «натуры» – Марфа и Зинаида, обе хоть и помоложе, но такие же горькие. Художник подсматривал за голыми старухами, когда они устроили прямо в избе настоящую баню, с паром и вениками. Борис Иванович остолбенел. Он привык к их морщинистым лицам, к тёмным, искривлённым рукам, растоптанным ногам... Но теперь – Боже праведный! – он увидел их тела < > Кисти и ступни выглядели ещё огромнее и безобразнее – разбитые земляной работой, скрюченные, как корни старых деревьев, пальцы приобрели цвет земли, в которой десятилетиями копались. Зато тела были белокожи и иссиня-бледные, как снятое молоко. После подсмотренной сцены художник сделал зарисовки. Жуткие картинки получились! Но почему-то и смешные. «Недохудожник» посягнул на лавры Босха. Запад хорошо заплатил за «белых лебедей», как назвал автор невольных «натурщиц». Уже не коммунисты, не бездарные правители, а народ от земли, «от сохи», русские женщины – третий кит, на котором страна выдержала все страшные события, от Первой мировой и Гражданской до конца Второй мировой, стали объектом кощунства. Антисоветский пропагандистский эффект выставки диссидентского искусства в Германии построен на шокирующем контрасте стилистически и идеологически нейтрального, построенного по стандарту названия выставки (Русская обнажённая натура) с визуальной пародией изображения. Стилистически, по отношению и к вербальному, и к визуальному знаковому воплощению, это синекдоха: тропеический перенос с частного, конкретного на общее. Перлокутивный эффект микродискурса усиливается за счёт обманутого ожидания (читателя после заголовка, зрителя после визуального контакта с аннотированным предметом искусства). Уничажительно-пренебрежительную модальность по

отношению уже к всемирно признанным достижениям в области дореволюционного искусства добавляет сфера эмиграционного дискурса. Недавно эмигрировавший в Израиль о начальнике: «Он картины собирает < > Серов, Петров, ну, эти ваши передвижники...».

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ: слишком она гибкая, слишком пластичная, кадит сильным мира сего, лижет власти руку; Отца Александра (Меня. – А. Б.) ненавидели церковные мракобесы; Нестяжатель. Неворующий. Радостная редкость среди сегодняшних разьевишихся ризоносцев; К этому времени я уже твёрдо знала, что христианство не может быть богатым, потому что тогда оно перестает быть учением Христа, и не может оно быть антисемитским, потому что сам Христос был не только иудеем по вере, но евреем по крови; Приходится признать, что либо вера во Христа как основание христианства не является гарантом нравственного поведения, либо её, веры, вовсе и не было. А что представляет собой христианство, если вынуть из него эту составляющую? “Медь звенящую и кимвал бряцающий”, давно об этом сказано. То есть ритуал, обряд, этнографию. Ровно то же самое, что... «язычество»; Проходит ещё десятилетие, и церковь гонимая превращается на наших глазах в церковь победительную. Закрытые храмы открыты, число новых растёт гораздо быстрее, чем число детских домов и домов инвалидов; Десять лет назад ещё не произошло полного и любовного слияния церкви и власти, которое мы наблюдаем сегодня. В окошке телевизора то епископ целует генерала КГБ в щёчку, то генерал КГБ целует епископа в ручку. Размахивая кадилом, освящают то банк, то казино. Ни один приличный бандит не садится в свой «шестисотый», пока не отслужит подобающего молебна... А посреди города, полного нищими, бомжами, калеками и инвалидами последних войн, пузырится золотёное позорище, многомиллионный храм, простодушно воздвигнутый Тому, Кто пришёл исполнить закон милосердия и любви, а вовсе не закон хамской силы и большой деньги; А если Христос вдруг придёт? <...> Не страшно?; Замечу, что в семидесятые-восемидесятые годы прошлого века ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ ещё не достигла того невиданного уровня коррупции и бесстыдства, как в начале XXI. Давно известно, что ЦЕРКОВЬ гонимая крепнет, ЦЕРКОВЬ властвующая растлеваются. Христианство – религия бессеребренников и юродов, тощих и сирых, а не раскормленных и самодовольных, к тому же презирающих всё остальное человечество; церковь превращается в огромную позолоченную декорацию; муштра христианства, рабство догмату, церковный официоз. Очень жёстко прочерченные границы, дальше которых даже мыслью нельзя заходить; Очень много новых препятствий стало на пути в ХРАМ. Голова у рыбы пованивает, но, к счастью, в области хвоста и сегодня есть тощие и нищие, не обременённые приличной, соответствующей сану собственностью, священники, которые служат во имя Христа пастве, а не начальству, которые не оскорбляют глаза и уши смиренных прихожан. Инкриминируемые Церкви пороки: альянс со светской властью, угодничество (кадит сильным мира сего; служат ... начальству; полное и любовное слияние церкви и власти; лижет власти руку; то епископ целует генерала КГБ в щёчку, то генерал КГБ целует епископа в ручку); целеустановка на богатство (закон большой деньги; церковь превращается в огромную позолоченную декорацию; разьевишиеся; раскормленные; многомиллионный храм; храм – золотёное позорище); воровство (неворующие – радостная редкость); безнравственность, отсутствие истинной веры (язычество; убит священник-еврей; церковь властвующая растлеваются; невиданного уровня бесстыдство; освящают то банк, то казино; Ни один приличный бандит не садится в свой «шестисотый», пока не отслужит подобающего молебна; церковь властвующая растлеваются; презирают всё остальное человечество); коррумпированность (невиданного уровня коррупция) бюрократизм (муштра христианства, рабство догмату, церковный официоз. Очень жёстко прочерченные границы, дальше которых даже мыслью нельзя заходить); порочность церковных властей (Голова у рыбы пованивает).

ИДЕОЛОГИЯ. Ложь идеологии тотальна, безлична; жизнь, пронизанная убогой идеологией; коммунистическая идеология в нашей стране рухнула; в восьмидесятые годы в руководстве страны была уже полностью изжита любая общественная идеология; никаких

новых идей нет. В негативно-аксиологическом дискурсе авторских текстов разной функциональной природы (стилей, жанров) чётко прослеживаются два основания откровенного неприятия коммунистической идеологии и её агентов. Красной линией проходит мысль о тесной переплетённости нынешней власти с КГБ, поскольку именно с КГБ связывается тоталитарность советского государства, трагедия ГУЛАГов, приравняваемых к концентрационным лагерям фашистской Германии. Преемником КГБ стало ФСБ. Отсюда и откровенная неприязнь к нынешнему президенту В.В. Путину и современным приверженцам советской идеологии. Второе основание радикального отторжения советского миропорядка – коллективизм contra индивидуализм. Прямых, денотативных номинаций этих феноменов нет. Есть идентификация индивидуализма через специфицирующие признаки: *Моя страна сегодня объявила войну... ценностям гуманизма, идее свободы личности, идее прав человека, которую вырабатывала цивилизация на протяжении всей своей истории.* Эти широко известные слоганы можно приравнять к мемам. Н.Г. Колесник анализирует их действие в интернет-сфере, понимая как разновидность прецедентных феноменов, сохраняющих информацию об источнике (тексте, информационном ресурсе, культурном феномене, историческом событии). Одной из функций слоганов называется оценка, связанная с идеологически обусловленной позицией пользователей, т.е. позицией группы, объединённой сходными политическими, мировоззренческими установками, схожей оценкой исходного для данного мема явления. «Таким образом, идеологически окрашенные мемы выступают как своего рода маркеры, средство опознания “свой-чужой”» [Колесник 2018: 99–102].

Однозначное неприятие коллективистской идеологии не педалируется, но проходит красной нитью по всему творчеству Л.Е. Улицкой. Приверженность идеологии индивидуализма проявляется через яростное отторжение коллективистской. *Ну, условности советской квадратной жизни, собственно, треугольной: партком, местком, администрация. Профсоюзное собрание, субботник, осенняя повинность «картошки». Избегаю, игнорирую, презираю. Игра на плоскости. Колобок катится, в руки не даётся, чудовище за ним гонится <...> Хватает, бросает в темницу. Но главное: чудовище ещё и смердит, отравляет жизнь, оглушает её. Воздуха не хватает. Низкий потолок. Давит на темечко. Немного начинаю задыхаться...* Микротекст насыщен средствами выразительности. «Геометрические» метафоры (*квадратный, треугольный, плоскость*) открывают и завершают зачин, выполняя интригующую функцию. Однородный глагольный ряд с семантикой негативной оценочности выделяется за счёт контраста по отношению к двум предыдущим одночленным субстантивным предложениям и благодаря приёму восходящей градации (климаксу). Концовка стилистически нейтральна. Центральная часть – обширная аллегория, синтез фольклорно-сказочных прецедентных текстов – держит высокую планку напряжения. На лексическом уровне экспрессия негативной оценочности поддерживается денотативно-оценочными номинациями *чудовище* (дважды), *смердит, отравляет*.

Отторжение диктата коллектива находит концентрированное выражение в микродискурсах школьного и вузовского образования. Уже *в школе: Наметился первый конфликт: жажда общности и отворачивание к дисциплине. Душа искала родства, а телу велено было маршировать. Неразрешимость: осознаваемое постепенно одиночество и непристойность коллективного действия.* Ещё пример. Молодые люди, студенты знаменитого московского университета, отлично сдавшие первую сессию, на хорошем счету у преподавателей, им прочат большое будущее. Но «путёвки» в карьеру осложняло их *нежелание вести общественную деятельность. Они пренебрегали ею, причём пренебрегали не тихонько, в пассивной, так сказать, форме, а каким-то заметным и обидным для остальных образом. В этом пункте у них тоже не было ни малейших разногласий: жить они хотели на всю катушку, то есть в меру своих незаурядных способностей.* В финале повести «Человек со связями» идея коллективизма в светской жизни сопрягается с догматом соборности русской православной церкви. Повод – сложные взаимоотношения автора-повествователя с православием. Обобщающе-аллегорическая

метафора: сначала церковь как уход от одиночества – через восторг растворённости: диссоциация на молекулы, соединение с единомышленниками, сообщниками во Христе.... Потом как отрезвление: < > **Муравейно-социальный порыв** изжил сам собой. Формально метафора относится к субъекту речи и выражает самоиронию, однако через ассоциацию «муравей – муравейник» и к церкви. Зоологическая, даже, точнее, энтомологическая сфера как источник смыслового переноса метафоры становится инструментом дискредитации церковной соборности.

В приведённых высказываниях речь идёт явно о государственной идеологии. В следующем высказывании звучит нечто новое: отношение искусства к идеологии государства, шире – о социальных функциях искусства, в нашем случае – художественной литературы: *культуру пытаются...сделать инструментом какой-то специальной специфической идеологии. Слово «патриотизм» здесь совершенно не случайное. И строго говоря, это противоречит в высшей степени самой идее культуры.* Приведённую цитату можно интерпретировать как наносимый автором превентивный удар в адрес потенциальных критиков идеологической концепции творчества автора. Плюс приём замалчивания (прагматически значимый ноль) общеизвестного факта патриотичности всех высоко чтимых (в том числе писателем Л.Е. Улицкой) великих русских писателей и поэтов, не исключая эмигрантов. Вспомним щемящее блоковское «Россия, нищая Россия...как слёзы первые любви...тебя жалеть я не умею...не пропадёшь, не сгинешь ты...». Можно предложить в качестве условного приёма для квалификации отношения к стране, гражданином которой ты являешься, «цитатно-паремический тест»: ставшие крылатым выражением слова А.С. Грибоедова «Когда ж постранишь, воротись домой, И дым отечества нам сладок и приятен» и русскую поговорку «в гостях хорошо, а дома лучше». Л.Е. Улицкая не разделяет эту максиму: После *нежного* лета со *свежими, как в начале мая, парками, в Нью-Йорке*: <...> *А мне пора домой, в Москву. В заплёванный Ботанический сад, в бедную Тимирязевку.* Склонность к «там», сопричастность к там, а не к *здесь* неоднократно транслируется персонажами писательницы. Из разговора эмигрантов. «– Ты приехала из России, и Америка тебе грязная? Ничего себе!». Героиня на пути в «зарубежный рай» (Цюрих, Швейцария), ещё по своей стране «*вдруг расчувствовалась, вспомнила про белые берёзки – за окном пока простирался исключительно сорный кустарник и пригородные свалки, – и вроде бы затосковала по родине, хотя чего тосковать-то, вот она тут вся: миллион Николаев в кирзе, миллион тёток вроде тёти Насти...*». А на обратном пути, после года в Швейцарии, возвращаясь из трёхдневного тура в Москву, в самолёте: «*Всю дорогу она умирала от нетерпения: скорей бы попасть домой...*» И она с вожделием повторяла «*почти про себя, но всё-таки немного вслух: «Цюрих... Цюрих...*». Журналистка-интервьюер спрашивает одну из девушек, живущих в зарубежном стриптизно-проститутском раю, не хочется ли ей съездить или даже вернуться на родину. Девушка сразу отмечает возможность поездки на родину: «–*Опасно! А ну как обратно не пустят?*» – «*А вернуться не думала?*» – *опять сморозила глупость Женя, и Тамара засмеялась громко... – Ты что, больная? Что я там буду делать? На вокзал пойду? У меня здесь профессия, бизнес, я в кабаре работаю!*». Тематический блок «эмиграция» даёт ответ и на вопрос и о представленности в идеологии художественного творчества Л.Е. Улицкой перспектив России, ее будущего, вернее, их отсутствия. Та же девушка продолжает: «*Да там тыщу лет пройдёт, пока до культурной жизни дойдут. А, может, вообще никогда...*». Эмигранты размышляют о судьбе России после событий 1991 г. В ответ на предположение одного, что всё «*устаканится, придёт в порядок*», второй резонирует: «– *А вот об этом не беспокойся: чего, чего, а порядка там никогда не будет*».

Анализ показал тотальное доминирование негативной оценочности в тематических блоках (сегментах), в совокупности представляющих картину мироустройства в России во временных срезах прошлого и настоящего. Очень кратко, но не менее четко выражено отрицательное отношение к будущему страны. Это свидетельствует о неприятии автором существующего положения дел по отношению к ключевым аспектам российской действительности, а значит, о противостоянии, в определённом смысле противоборстве, что составляет стержень феномена ИПВ

[Сковородников, Копнина 2017: 13]. Следовательно, реалии, стоящие за концептами тематических блоков, могут рассматриваться как мишени ИПВ. Принципиально важно ещё раз подчеркнуть, что относительно художественного текста речь может идти лишь о **признаках /симптомах**, но не о войне как таковой [Бернацкая 2018: 67–79]. Анализ показал, что в качестве средств их формирования могут использоваться системно-языковые и речевые средства разных уровней, любые риторические и стилистические приёмы, фигуры, тропы. Негативная оценочность подкрепляется негативной окрашенностью элементов более широкой категории – модальности.

Вывод о наличии симптомов ИПВ в исследуемом материале логичным образом наталкивается на сомнение: не объясняется ли негатив критикой, продиктованной желанием изменить ситуацию к лучшему, то есть не является ли движущей силой как раз патриотизм субъекта критики? Об этом рассуждал А.А. Зиновьев в его философской (не писательской!) ипостаси: «Если человек не восторгается своим народом и даже критикует его, из этого не следует, что он не любит его. < > Если человек не питает любви к своему народу, это не значит, что он питает к нему нелюбовь как нечто активное, т.е. ненависть, презрение или другие негативные эмоции. В отношении к своему народу у человека может быть сильно развито другое, более глубокое чувство, чем любовь, а именно – чувство принадлежности к своему народу» [Зиновьев 2005: 491]. Однако в нашем случае ситуация иная, хотя писательница и отвергает наличие у неё ненависти. Слишком откровенны её явно прозападнические суждения о внешней политике России, государстве, русском народе, его послереволюционном и советском прошлом и настоящем, его менталитете, политике и руководстве страны, идеологии, культуре, православной церкви. Характер субъективной модальности (пренебрежительности, уничижительности, недоверия, неодобрения, порицания, агрессивно-глумливой, брезгливой отстранённости; едкой, издевательской иронии; сарказма), специфическое употребление личных и притяжательных местоимений, сферы-источники метафор (война, геометрия, физиология, зоология, биология, энтомология, мифы), пейоративно-оценочные эпитеты – всё это не оставляет сомнений в отсутствии у автора чувства сопричастности к русскому народу, стране. Ни сама писательница, ни её герои не испытывают ностальгии по навсегда или на время покинутой родине: не выдерживают «цитатно-паремический тест». На неслучайный вопрос венгерского журналиста Й. Горетить (2010), считает ли себя интервьюируемая русским писателем, она ответила: *«Дело в том, что это мой единственный язык. Это единственный язык, на котором я могу выражать свои мысли. Я его страшно люблю. Мне его очень легко любить, потому что другого я не знаю. Поэтому я, конечно, русский писатель»*. Если единственной связкой со страной, где она родилась и где жили её предки, признаётся язык, то не корректнее ли считать Л.Е. Улицкую не русским, а русскоязычным писателем? И не надо ли серьёзно задуматься о том, целесообразно ли активно внедрять её творчество в школьную программу? Во всяком случае, необходим жёсткий отбор рекомендуемых сочинений автора. Художественная литература не должна возвращать у подрастающего поколения скепсис, неуважение к своей стране, её истории, к своему народу, усиливать чувство безысходности.

Литература

Бердяев А.Н. Русский народ. Богоносец или хам? / Николай Бердяев, Николай Лосский. М.: Алгоритм, 2014. 240 с.

Бернацкая А.А. О легитимности анализа художественного текста в аспекте информационно-психологической войны [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3. С. 67–79. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2018/12/Bernatskaya-A.A..pdf> (дата обращения: 20.02.2019).

Зиновьев А.А. Исповедь отщепенца. М.: Вагриус, 2005. 554 с.

Кто есть кто в мировой политике / Редкол.: Л.П. Кравченко (отв. ред.) и др. М.: Политиздат, 1990. 559 с.

Ким И.Е. Сопричастность и контроль в личной и социальной семантической сферах современного русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2011. 42 с.

Колесник Н.Г. Вербальные мемы в интернет-сфере // Вопросы филологии. №1. (61). 2018. С. 100–108.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская Академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Том III. Имена существительные с абстрактным значением: Бытие, материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы. Человек. Общество / РАН. Институт русского языка. Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. 720 с.

Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного. Томск: изд-во Томского ун-та 1981. 255 с.

Сковородников А.П., Копнина Г.А. Информационно-психологическая война и её релевантные признаки // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I; под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.

Улицкая Л.Е. Человек со связями: [повести, рассказы, эссе]. Москва: Изд-во АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. 574 с.

Улицкая Л.Е. Зелёный шатёр: роман. М.: Астрель, 2012. 637 с.

Улицкая Л.Е. Священный мусор: поднимаясь по лестнице Якова [рассказы, эссе, интервью]. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. 473 с.

References

Berdjaev A.N., Losskij N.O. Russkij narod. Bogonosec ili ham? [Russian people. God-bearer or vulgarian?]. Moscow, Algoritm Publ., 2014. 240 p.

Bernackaja A.A. O legitimnosti analiza hudozhestvennogo teksta v aspekte informacionno-psihologicheskoy vojny [Considering validity of a literary text analysis in the aspect of information-psychological war]. *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*, 2018, no 3, pp. 67–79. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2018/12/Bernatskaya-A.A..pdf> [accessed 20.02.2019].

Zinov'ev A.A. Ispoved' otshhepenca [Renegade's confession]. Moscow, Vagrius Publ., 2005. 554 p.

Kto est' kto v mirovoj politike [Who is who in the world politics] / L.P. Kravcheno (ed.) et al. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 559 p.

Kim I.E. Soprichastnost' i kontrol' v lichnoj i social'noj semanticheskoy sferah sovremennogo russkogo jazyka [Ownership and control in the personal and social semantic areas of the modern Russian language]. Abstract of Philology Dr. Diss. Krasnojarsk, 2011. 42 p.

Kolesnik N.G. Verbal'nye memy v internet-sfere [Verbal Memes in the Internet Sphere]. *Voprosy filologii*, 2018, no 1. (61), pp. 100–108.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. 944 p.

Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij. Tom III. Imena sushhestvitel'nye s abstraktnym znacheniem: Bytie, materija, prostranstvo, vremja. Svjazi, otnoshenija, zavisimosti. Duhovnyj mir. Sostojanie prirody. Chelovek. Obshhestvo [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings. Volume III. Nouns with abstract meaning: Being, matter, space, time. Relations, relationships, dependencies. Spiritual world. The state of nature. Person. Society.] / N.Ju. Shvedova (ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 720 p.

Skovorodnikov A.P. Jekspressivnye sintaksicheskie konstrukcii sovremennogo russkogo literaturnogo jazika [Expressive syntactic constructions of the modern Russian literary language]. Tomsk, Tomskogo un-ta Publ., 1981. 255 p.

Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Informacionno-psihologicheskaja vojna i ejo relevantnye priznaki [Information-psychological war and its relevant features]. *Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny: monografija. Kniga I* [Linguistics of information-psychological war: Monograph. Book I] / Prof. A.P. Skovorodnikov (ed.). Krasnojarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2017. 340 p.

Ulickaja L.E. Chelovek so svjazjami: [povesti, rasskazy, jesse] [A person with connections: stories, essays]. Moscow, AST Publ.: Ed. by Elena Shubina, 2016. 574 p.

Ulickaja L.E. Zeljonyj shatjor: roman [Green tent: a novel]. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 637 p.

Ulickaja L.E. Svjashhennyj musor : podnimajas' po lestnice Jakova [rasskazy, jesse, interv'ju] [Sacred garbage: climbing the stairs of Jacob: stories, essays, interviews]. Moscow, AST Publ.: Ed. by Elena Shubina, 2017. 473 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бернацкая Ада Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации

Сибирский федеральный университет

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: bern1940@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Bernatskaya Ada Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Speech Communication

Siberian Federal University

79 Svobodny prospect, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: bern1940@mail.ru